

ИОСИФ КОЛЫШКО (1861-1938). ТАЛАНТЛИВЫЙ ЛИТЕРАТОР, НО НЕ ЧУЖДЫЙ ИНТРИГ

Иосиф Иосифович Колышко – журналист и литератор – родился 27 июля 1861 года в Ковенской губернии. Отсутствие точных данных о месте его рождения, национальной и конфессиональной принадлежности породило массу домыслов о его жизни и деятельности. Что не могло не привести к ослаблению интереса к этому неординарному человеку с точки зрения белорусского исторического краеведения. Между тем, как судьба И. И. Колышко содержит в себе намало ценного и из того, что было связано у него с белорусской землей. Эта фамилия сегодня более всего распространена в Гродненской области, и некоторые из ее носителей мне лично знакомы. Впрочем, уверен, что о существовании героя этого очерка они до сих пор ничего не знали.

Сын русского офицера-улана, захватившего в 1848 году во время похода в Венгрию дочь местного бургомистра в качестве «трофея», Иосиф Колышко вначале пошел по стопам отца и поступил в 1878 году в Полоцкую военную гимназию, а затем, в 1880 году – в Николаевское военное училище, из которого вышел корнетом во Второй лейб-гвардии уланский Курляндский полк. Однако в 1881 году подпоручик Колышко после знакомства с влиятельным князем В. П. Мещерским получил протекцию в Министерство внутренних дел и вскоре стал чиновником для особых поручений при самом министре Д. А. Толстом. Колышко был тесно связан и с С. Ю. Витте – после назначения в 1892 году последнего министром путей сообщений он был отправлен ревизором в Могилевский округ. Там он деятельно искоренял воровство и казнокрадство, пока сам не попался на вымогательстве. В результате скандала в декабре 1894 года Колышко ушел в отставку. Через семь лет он вернулся в политику, поступив к Витте в Министерство финансов. Несмотря на то, что политический вес Колышко сошел на нет вместе с отставкой Витте, он остался там до самой Февральской революции и дослужился до действительного статского советника.

Одновременно И. И. Колышко был плодовитым литератором и журналистом. До революции он активно сотрудничал в трех газетах: помимо «Гражданина» В. П. Мещерского, это были «Санкт-Петербургские ведомости» (под псевдонимом Рославлев), а позднее – «Русское слово» И. Д. Сытина – В. М. Дорошевича (под псевдонимом «Баян») и «Биржевые ведомости» («Вох»). В 1903 году И. И. Колышко пытался возглавить «Санкт-Петербургские ведомости», интригую против князя Э. Э. Ухтомского, но неудачно. Против И. И. Колышко был категорически настроен В. К. Плеве, считавший публициста вором. К этому времени сократилось и его влияние на В. П. Мещерского – главным фаворитом князя стал Н. Ф. Бурдуков. Тем не менее, И. И. Колышко не только продолжал оставаться одним из основных авторов «Гражданина», но и участвовал вместе с В. П. Мещерским в закулисных политических маневрах перед началом первой русской революции. В частности, он был хорошо осведомлен о совместных действиях князя и министра финансов, направленных на смещение В. К. Плеве и установление «диктатуры Витте» на четыре года с одновременным проведением ряда либеральных реформ. И. И. Колышко в тот момент играл роль посредника между С. Ю. Витте и В. П. Мещерским. Публицист также продолжал со-

трудничество и лично с С. Ю. Витте, играя роль его наемного пера. В частности, И. И. Колышко принял активное участие на стороне С. Ю. Витте в полемике относительно виновников русско-японской войны. Наиболее яркий пример его деятельности в этом качестве – составление все-подданнейшего доклада С. Ю. Витте 17 октября 1905 года, в котором предлагалось учредить в России пост премьер-министра – главы объединенного правительства.

По свидетельству самого И. И. Колышко, он ушел в политическое небытие вместе с отставкой С. Ю. Витте с поста премьер-министра в апреле 1906 года. Колышко продолжал заниматься публицистикой и небезуспешно выступал как драматург. По всей России прогремела его пьеса «Большой человек», где под именем В. А. Ишимова публика без труда признала С. Ю. Витте. Опальный сановник предстал выходцем из низов, космополитом, болеющим за развитие империи. Фигуре С. Ю. Витте был присущ трагизм: И. И. Колышко изобразил его как человека, прорвавшегося к большой власти, после чего сохранение полученного влияния превратилось в единственную цель. Пьеса не была шедевром драматургии, главный пафос произведения заключался в пятом акте, когда главные герои обсуждали государственные проблемы России. Эта сцена неизменно срывала аплодисменты. А И. И. Колышко неплохо на ней заработал: в 1917 году он утверждал, что получил от постановок этой и еще двух других пьес (которые, впрочем, были неудачны) 200 тысяч рублей. С. Ю. Витте вроде бы не обиделся, но незадолго до его смерти они поссорились. Летом 1914 года отставной сановник открыто говорил, что закрыл для И. И. Колышко двери своего дома, и обещал со временем вывести его «на чистую воду». Но, кажется, не успел этого сделать. Возвращение И. И. Колышко в политику состоялось неожиданно и оказалось эпизодом, связанным с переговорами о сепаратном мире в 1916 - начале 1917 годов.

Вопрос о сепаратном мире – одна из самых загадочных, неясных страниц истории Первой мировой войны. Несмотря на то, что мнение историков единодушно: дело не двинулось дальше зондирования почвы, тем не менее, немало темных мест в тех событиях еще остается. В частности, для России вопрос о сепаратном мире оказался тесно связан с внутренним политическим кризисом, вокруг которого вращалось большое количество самых разных интриг. Поэтому исследователи еще не раз будут обращаться к взаимосвязи этих двух сюжетов. В первые год-полтора войны немцы в поисках контакта стремились использовать максимально простые пути для своих зондажей (например, через фрейлину императрицы Александры Федоровны княгиню М. А. Васильчикову и т. п.). Они пытались вступить в непосредственный контакт с российскими правителями для переговоров о мире. Столкнувшись с неудачей, они стали действовать менее прямолинейно. Германия все больше склонялась к целенаправленному воздействию на российское общественное мнение с тем, чтобы посеять в нем убеждение в необходимости скорейшего завершения войны. Центром многих неофициальных контактов в 1916 году стал Стокгольм. Столица нейтральной Швеции была едва ли не самым удобным местом, куда без труда могли приезжать представители всех воюющих держав. Сюда устремились также многочисленные авантюристы и аферисты, контрабандисты и коммивояжеры, обделяющие выгодные сделки, разведчики всех мастей и просто проходимцы, чувствующие запах наживы. В этой среде оказался и И. И. Колышко, правда, его появление стало делом случая.

С. Ю. Витте

Как пишет сам И. И. Колышко, в Стокгольме после начала мировой войны он оказался благодаря своим амурным связям. Его очередная подруга – немка Э. Брейденбенд – была вынуждена покинуть Россию как германская подданная. К тому же в Швеции он оказался с коммерческим поручением – покупать сталь для российских заводов. Окунувшись в мутную атмосферу шведской столицы, И. И. Колышко быстро почувствовал себя в родной среде. По-видимому, в 1915 году он стал одним из осведомителей немецкого посла Г. Люциуса об обстановке в России. Связь с ним он поддерживал через шведского банкира Г. Бокельмана (который до 1914 года занимался финансовыми операциями в Москве) и свою подругу. Что подтолкнуло И. И. Колышко к работе на немцев – сказать сложно. Не исключено, что деньги – кажется, публицист в них нуждался.

Считая, что он установил канал связи с немцами, И. И. Колышко решил играть серьезную политическую роль – участвовать в организации переговоров о сепаратном мире. В первой половине 1916 года он дважды встречался в Петрограде со своим старым знакомым по салону В.П. Мещерского, а тогда премьер-министром Б. В. Штурмером, обсудив с ним возможные перспективы сепаратного мира. Появление И. И. Колышко совпало с желанием самого Б. В. Штурмера прозондировать почву о возможности выхода России из войны. Разумеется, он делал это не на свой страх и риск, а скорее исполнял поручение, за которым, по-видимому, стояли императрица Александра Федоровна и в какой-то степени Г. Е. Распутин. Неслучайно в переписке царской четы с весны 1916 года начинает мелькать уверенность в скором, к концу года, завершении войны. Конечно, сам И. И. Колышко вряд ли был вполне осведомлен о том, кто стоял за этим интересом. Получив одобрение главы правительства, он вернулся в Стокгольм и рьяно принялся за дело. Публицист немедленно вступил в переговоры с немецким магнатом Гуго Стиннесом, они были весьма интенсивными и продолжались с 1 по 27 мая 1916 года. Стороны обсуждали приемлемые для России варианты завершения войны: в обмен на приобретения в Галиции и Малой Азии Россия теряла Польшу, которая получала автономию с вхождением в таможенное пространство Германии. Судьба прибалтийских территорий вызывала споры: И. И. Колышко хотел бы (правда, не категорично), чтобы немцы вернули России Вильно, Ковно и Гродно. Однако результата эти контакты не имели.

Вскоре Г. Стиннес получил из Берлина указание на нецелесообразность дальнейших бесед с И. И. Колышко, так как германское руководство предпочитало дождаться, пока Россия выразит готовность к миру в недвусмысленной форме. Также складывается ощущение, что Берлин не относился слишком серьезно к подобным встречам: и личности их участников, и отсутствие у них внятных полномочий свидетельствовали как минимум о том, что до реального диалога о мире все равно оставалась дистанция огромного размера. И. И. Колышко, также не имевший никакого мандата, наверное, понимал шаткость своей позиции, поэтому просил немцев обратиться к небезызвестному И. Ф. Манасевичу-Мануйлову, «умственному аппарату» Б. В. Штурмера, который летом 1916 года должен был прибыть в Стокгольм для установления прямых контактов с немцами. Но произошло неожиданное: незадолго до поездки, 19 августа И. Ф. Манасевич-Мануйлов был арестован за шантаж. Следовательно, вся комбинация рухнула. Могли ли за этим разоблачением афериста стоять противники сепаратного мира, неизвестно. Тем не менее, связка Колышко-Штурмер после этой неудачи более не проявлялась на политической арене.

Контакты И. И. Колышко с немцами получили иное продолжение. В июне 1916 года в Стокгольм из Германии приехал хорошо известный кадетским лидерам князь Д. И. Бебутов, находившийся там с начала войны и намеревавшийся вернуться в Россию. Князь уже оказывал услуги немцам (Генеральному штабу). В Швеции он, как и И. И. Колышко, искал пути к сепаратному миру. Два авантюриста не могли не встретиться, – возможно, это произошло не без уча-

стия русского посланника в Стокгольме А. В. Неклюдова, который принимал Д. И. Бебутова и вообще был не чужд действий, выходивших за рамки его официального статуса. Вскоре оба они представили немцам схожие планы по приобретению средств массовой информации в России для ведения через них пронемецкой пропаганды. Размах у Д. И. Бебутова был шире, чем у И. И. Колышко: он предлагал приобрести три русские газеты: «Новое время», «Русские ведомости» и «День», просил на это 10 млн. рублей и обещал поддержку ряда еврейских предпринимателей (Л. И. Бродского, Д. Л. Рубинштейна). Однако немцы доверяли Д. И. Бебутову едва ли не меньше, чем И. И. Колышко, поэтому не согласились на его предложение. Тем не менее, они поддерживали с ним контакт через Г. Бокельмана. Возможно, его идеи взял на вооружение И. И. Колышко. Так, он, как и Д. И. Бебутов, планировал привлечь к сотрудничеству писателя Максима Горького.

Случайным эпизодом этой политической возни в Швеции стала встреча возвращающихся домой из поездки по Европе членов российской парламентской делегации А. Д. Протопопова и Д. А. Олсуфьевы с немецким банкиром Ф. Варбургом в Стокгольме 23 июня 1916 года. Имеются сведения, что организовал эту встречу И. И. Колышко. Он, якобы, встретил прибывших туда после поездки по Европе А. Д. Протопопова и Д. А. Олсуфьевы и после того, как последний выразил желание встретиться с кем-нибудь из «интересных немцев», немедленно представил им Ф. Варбурга, бывшего, как и И. И. Колышко, одним из осведомителей Г. Люциуса. Во время встречи, длившейся около полутора часов, больше говорил Ф. Варбург, развивая тему: сепаратный мир нужен, прежде всего, России. То, что встреча была экспромтом, не вызывает сомнений. Косвенно это доказывается реакцией на нее в Берлине: министр иностранных дел Г. Ягов, прочитав депешу о беседе, заметил, что русские основательно «подошли» Ф. Варбурга, практически ничего не сообщив ему в ответ.

После неудачи со Б. В. Штюрмером и И. Ф. Манасевичем-Мануйловым И. И. Колышко продолжил контакты с Г. Стиннесом. Однако тема их изменилась: вместо сепаратного мира речь пошла об организации в России пропаганды за скорейшее прекращение войны. Эта тема возникла, по-видимому, параллельно с переговорами о сепаратном мире. Еще до ареста И. Ф. Манасевича-Мануйлова, 12 августа 1916 года, Г. Стиннес согласился предоставить Г. Бокельману заем в 2 млн. рублей для финансирования издательства в России. И. И. Колышко тут же начал действовать. Осенью 1916 года он заявил И. Троцкому, что планирует войти в руководство «Петроградского курьера», который, якобы, должна приобрести некая «группа общественников и финансистов».

Начало 1917 г. И. И. Колышко провел в Копенгагене, где установил контакт с А. Л. Парвусом (Гельфандом). По-видимому, это дало толчок «предприятию» журналиста уже после Февральской революции, так как Парвус советовал немцам отнестись к нему со всей серьезностью. Далее на пути И. И. Колышко встретился с М. Эрцбергером – депутатом рейхстага, лидером партии католического центра, отвечавшим за организацию пропаганды вне Германии, оппонентом и даже врагом Г. Стиннеса, по представлению публициста. С Колышко Эрцбергер рассуждал о всеобщем, а не о сепаратном мире, и, в отличие от Г. Стиннеса, предлагал возвращение к довоенному положению, при этом России обещалась Галиция и проливы. Сведения об этом как-то дошли до Г. Стиннеса, и он попытался дезавуировать условия, заявив, что М. Эрцбергер не имел никаких полномочий. Колышко и Эрцбергер встречались дважды. Первый раз – 26 марта в Стокгольме, в доме Гуревича. Во время второго свидания 19 апреля они составили проект договора о сепаратном мире. Казалось, что на сей раз все обстоит серьезно. И. И. Колышко после переговоров с М. Эрцбергером бросился немедленно в Россию с проектом сепаратного договора. Одновременно он получил от Г. Стиннеса деньги на приобретения российской прессы (по-видимому, речь шла об обещанных ранее двух миллионах).

В Петрограде публицист появился 18 апреля 1917 года. Однако по-настоящему развернуться он не сумел, так как сразу попал в поле зрения русской контрразведки. Скорее всего, о нем сообщил А. Р. Кугель, уроженец Беларуси, известный журналист и фактический хозяин газеты «День». С ним И. И. Колышко встречался дважды: первый раз – 22 или 23 апреля. Вероятно, Колышко сгубило хвастовство: перед Кугелем он бахвалился большими деньгами, настойчиво уверяя собеседника, что их происхождение «чистое». Он также рассказал ему о встрече с М. Эрцбергером и о его мирной инициативе, после чего стал убеждать Кугеля в необходимости пропаганды мира. Уже этого было достаточно, чтобы у петроградского газетчика возникли вполне обоснованные подозрения, и он обратился в контрразведку. Кроме того, о намерениях И. И. Колышко был извещен член Петроградского совета Г. М. Эрлих (незадачливый «посол мира» безуспешно добивался встречи с ним как с представителем власти) и П. Е. Щеголев, игравший роль посредника. Связи И. И. Колышко и его деятельность оказались «под колпаком», они отслеживались более полутора месяцев, а когда журналиста и его подельников внезапно арестовали в ночь с 22 на 23 мая (4–5 июня), в руки контрразведчиков попали еще и некоторые документы, крайне неприятные для Колышко, в том числе его корреспонденция в Швецию.

Большая часть телеграмм шла в Стокгольм по адресу госпожи Брейденбейд, подруги Колышко, а некоторые из них на имя Гуревича. Все они были на французском языке. Смысл сообщаемого примитивно маскировался: «Из-за несогласий в бюро ожидаются скорые перемены его состава», «Богданов, по всей вероятности, скоро покинет бюро», «Переведите полмашины в Стокгольм, полмашины – в Христианию». Сопоставив содержание телеграмм и политические события, следователи поняли, что речь в них шла о Временном правительстве, а под псевдонимом «Богданов» фигурировал П. Н. Милюков. Помимо всего, одна из последних телеграмм была направлена на имя российского посланника в Стокгольме А. В. Неклюдова: «Ожидается назначение Терещенко. Искренне поздравляю». Также у И. И. Колышко был обнаружен печатный проект сепаратного договора России и Германии на 12 листах большого формата.

Контрразведчики обратили внимание на то, что по этому проекту предусматривалась независимость Финляндии и Украины (как и у В. И. Ленина), а также на обещание выплатить публицисту аванс в 20 тысяч рублей. Еще одной существенной уликой стало длинное письмо И. И. Колышко своей подруге-немке. В нем он с удовлетворением сообщил, что подготовлена почва для удаления из правительства П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Он также повторил просьбу перевести полмиллиона рублей через Стокгольм и столько же – через Христианию. И. И. Колышко намеревался приобрести «Петроградский курьер» (попытка восстановить сотрудничество в московском «Русском слове» не удалась). Захваченные документы ничего не сообщали о шпионаже И. И. Колышко в пользу Германии. Поэтому позднее, когда журналист отчаянно отбивался от обвинения, надо признать, что никаких доказательств этому так и не было обнаружено. Но вот о контактах с немцами они свидетельствовали однозначно. Причем, по данным контрразведчиков, получалось, что И. И. Колышко стал частью единой цепи, действующей в пользу сепаратного мира, куда входили и большевики (в обоих случаях фигурировала фамилия прaporщика Степина).

Тем временем план Колышко-Эрцбергера завершился неудачей. Эрцбергер, обещавший доказать серьезность намерений Германии, выступлением в рейхстаге Т. Бетмана-Гольвега соответствующего содержания (о необходимости мира), был глубоко разочарован, когда канцлер отказался от этого плана и произнес 15 мая 1917 года твердую, совсем не пацифистскую речь. По признанию самого Эрцбергера, она «чрезвычайно понизила шансы на заключение мира с Россией». Берлин же был взбешен действиями Эрцбергера: там показалось, что условия мира, которые он обсуждал с И. И. Колышко, были недопустимо мягкими для Петрограда.

И все же, для полновесного обвинительного заключения бумаг, обнаруженных у И. И. Колышко, не хватало (мало ли что пишет в частной корреспонденции). Поэтому судебные власти, которым журналиста передали из контрразведки, выпустили его на свободу под залог в 30 тысяч рублей. И. И. Колышко воспользовался этим и с пафосом бросился опровергать обвинение в шпионаже. Публицист подготовил и издал даже отдельную брошюру для доказательства собственной правоты. Он утверждал, что никакого проекта мирного соглашения у него не было, а имелся лишь текст статьи из датской прессы, перевод которого записала его подруга. Однако документ, обнаруженный у него русскими контрразведчиками, никак не походил на газетную статью. На первом листе его имелось специально пропущенное место для того, чтобы позднее, от руки, вставить туда дату. Конечно, он был ничем иным, как проектом условий мирного договора, составленного в ходе второй встречи с М. Эрцбергером, причем, как известно из другого источника, экземпляр для И. И. Колышко переписала его подруга-немка.

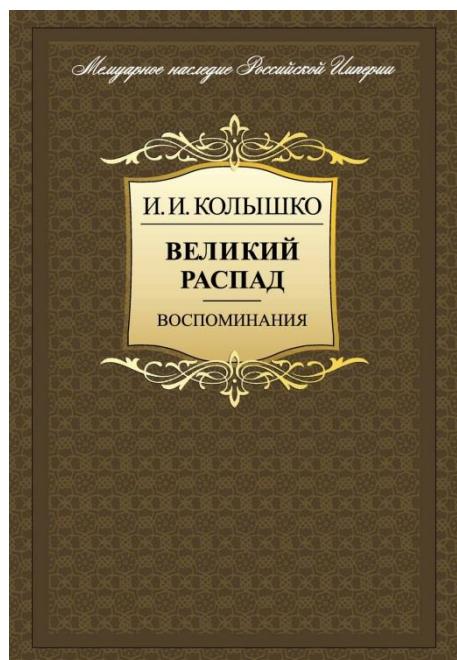
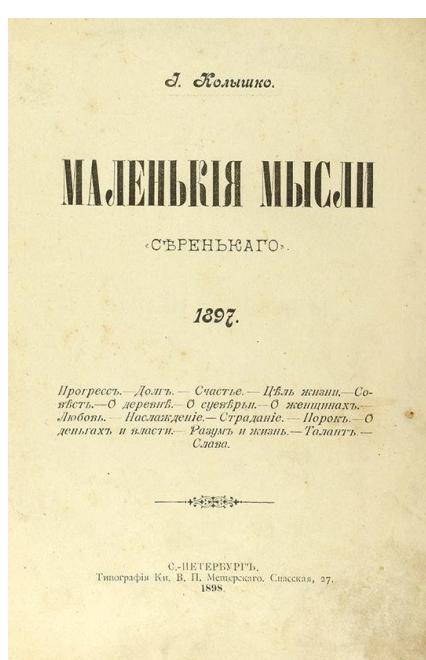
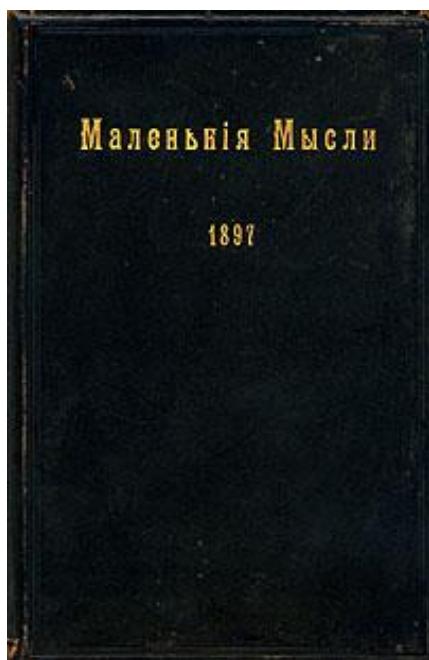
От большевиков И. И. Колышко предпочел скрыться. Есть сведения, что в 1918 г. он сотрудничал в киевской прессе пронемецкого направления. После этого незадачливый «агент влияния» эмигрировал в Европу. Оказавшись без средств, публицист занялся спекуляциями советскими ценностями бумагами на берлинской бирже. Этот эпизод из бурной биографии И. И. Колышко настораживает. Дело в том, что подобными операциями в Берлине занимались, как правило, люди, связанные с советскими спецслужбами. Если еще вспомнить и о том, что в Петрограде – Ленинграде благополучно проживала прежняя семья И. И. Колышко (а он был женат на княжне В. С. Оболенской), а сам журналист не только регулярно переписывался с родственниками, но и посыпал им средства для жизни, неизбежно возникает вопрос: не сотрудничал ли он с новой властью в России? Прямого ответа на него нет, однако специалисты полагают, что агентом ЧК он не был, хотя его контакты с соответствующими лицами нельзя исключать. Однако состояния на бумагах сомнительной ценности И. И. Колышко так и не нажил. К началу 1930-х гг. он перебрался в Ниццу, там жил очень бедно, в основном перебиваясь случайными литературными заработками и выступлениями.

Некоторые свои размышления, касающиеся С. Ю. Витте, И. И. Колышко опубликовал еще в 1920-х годах в Берлине, взбешенный вышедшиими воспоминаниями покойного к тому времени сановника. К составлению мемуаров журналиста, вероятно, подтолкнула нужда: в поисках заработка он в 1930 г. взялся редактировать «Вестник Ривьеры» «за грошовое вознаграждение» – 600 франков в месяц – и стал наполнять его собственными статьями, публикуя их под разными псевдонимами. Так появился цикл очерков «Россия и Витте» (составивший позднее значительную главу в его мемуарах). И. И. Колышко предполагал опубликовать его отдельной книгой («листов на 8-10»), но не нашел издателя. Там же, в «Вестнике Ривьеры», публицист поместил цикл очерков «Думы о России», где можно найти немало мест, перекликающихся с текстом его воспоминаний. Их он также хотел издать книгой. Наконец, у И. И. Колышко имелся замысел и третьей книги – «Эскизы беженства». Интерес к этой теме нетрудно заметить по его очерку «Скандинавия во время Великой войны». На рубеже 1931-1932 годов у И. И. Колышко, с его слов, появился издатель, готовый выпустить его мемуары на трех языках. Но проект по каким-то причинам не состоялся. Похоже, что текст, сохранившийся в коллекции Б. И. Николаевского, и был подготовлен И. И. Колышко для этого издания. Из его титульного листа явствует, что выход книги в свет планировался в Берлине. Можно предположить, что за это бралось «Русское национальное издательство», где увидели свет воспоминания С. Е. Крыжановского, В. М. Вонлярского, там же публиковался хорошо известный И. И. Колышко писатель В. П. Крымов.

Однако «Вестник Ривьеры» продержался недолго, всего 9 месяцев. И в 1931 г. он уже не выходил. Подготовленные статьи публицист пытался пристроить в различные, более успешные эмигрантские издания: «Мир и искусство» (Париж), «Наша речь» (Бухарест), «Новое русское

слово» (Нью-Йорк), «Иллюстрированная Россия» (Париж). Платили ему мало (в «Нашей речи», по словам И. И. Колышко, – столько, что не хватит на корку хлеба). Больше, по-видимому, пообещали в Америке, поэтому туда мемуарист отправил свои лучшие тексты. К началу 1932 года «Новое русское слово» уже напечатало 12 больших очерков публициста. Он использовал их также для публичных выступлений, об этом свидетельствуют тексты трех его лекций, сохранившиеся в Пражском архиве русской эмиграции. Чуть позже, в 1934–1935 годах он сотрудничал в берлинской фашистской газете «Новое слово». Восхваляя фашизм как разновидность национализма, И. И. Колышко, вероятно, оказался недостаточно пропитан антисемитскими взглядами, и его имя вскоре исчезло из числа авторов. Скончался он в безвестности 10 апреля 1938 г. в Ницце.

Несмотря на то, что И. И. Колышко не исполнил просьбу В. П. Крымова, его «Великий распад», тем не менее, представляет для современного читателя несомненный интерес. Задача, поставленная им перед собой, – показать причины краха самодержавной России – выродилась, по сути, в обличение старого строя, его порядков. Разумеется, автор был подчеркнуто пристрастен, что заметно даже непосвященному читателю. Конечно, в тексте отразились долгие размышления автора и о превратностях своей судьбы, и о катастрофе, постигшей Россию после 1917 г. На его заключения очевидное влияние оказали идеиные искания в эмиграции, как политические, так и общефилософские (евразийство, славянство, популярная тема «Восток – Запад» и т. п.). Надо отдать должное И. И. Колышко: он мастерски владел пером, его рукопись содержит яркие зарисовки, образы, парадоксальные выводы, меткие наблюдения, ее легко и интересно читать. В часто используемых сравнениях и образах узнается «нововременная традиция» (А. С. Суворин, М. О. Меньшиков, С. Н. Сыромятников и др.). Привлекают внимание сделанные им портретные зарисовки известных писателей и литераторов начала XX в. – это, конечно, не их биографии, а зоркий взгляд талантливого публициста, пытающийся ухватить у каждого из своих героев самую яркую его черту. Разумеется, его наблюдения субъективны, но нередко – метки. Очень важно, что И. И. Колышко уделил немало внимания закулисной стороне жизни литературно-газетного и plutokратического мира (гонорары, «дачи» и т. п.). Из других источников об этом известно не так уж много, а ряд сведений автора – уникален. В 2009 году в Санкт-Петербурге в издательстве Нестор-История вышли воспоминания И. И. Колышко «Великий распад», которые дают современному читателю возможность еще глубже представить себе атмосферу политической и культурной жизни России на рубеже веков, а также еще ближе познакомиться с мыслями и поступками самого автора – уроженца Северо-Западного края.

• ОБРЕТЁННЫЕ ВНОВЬ ИМЕНА •

Авторский проект
члена Союза писателей Беларуси,
профессора-историка, публициста, краеведа
Валерия ЧЕРЕПИЦЫ
на сайте Гродненского областного отделения СПБ www.pisateli.by

Для справки:

ЧЕРЕПИЦА Валерий Николаевич родился 1.01.1945 г. на Брянщине. Советский и белорусский историк, педагог, краевед, публицист и общественный деятель. Кандидат исторических наук (1979), профессор (1991), академик Петровской Академии наук и искусств (2014), преподаватель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. С 2019 года является преподавателем кафедры социально-гуманитарных наук ГрГМУ. Автор более 500 научных публикаций и двух десятков книг исторической публицистики. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат Премии имени А.И.Дубко за достижения в сфере культуры и искусства в номинации «Писатель года» (2012). Награждён орденом Франциска Скорины. Живёт в Гродно.

